

ВСТРЕЧИ

Книга
Литераторов
Псковщины

1974

ВСТРЕЧИ

Книга
Литераторов
Псковщины

ЛЕНИЗДАТ
ПСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1974

Игорь Григорьев

9 МАЯ 1945 ГОДА

Жгла нам души,
Кровь цедила
Буря смертная, адская.
Да не всех взяла могила
Горевальная, братская.

Вот и я — за что? — не знаю;
Чьей молитвой? — не ведаю, —
Упасён,
Иду по маю,
Упиваюсь Победою.

Обелиски
Свет не застыт
Молчаливыми ратями.
Даже страшно мне от счастья
Перед павшими братьями.

И — что сам не невредимый —
Вздых исторгнуть не вправе я.
Боль живая,
Дом родимый —
Настежь: «Доброго здравия!»

СИНИЦА

Припóднял голову:
— Мир вам, друзья!
Принимайте:
Вместе милей зимовать.
Мирон Петрович Синицын я —
Синицей-дядюшкой проще звать.

Вгляделся в лица:
Бойцы, свои.
— Не зря потянуло: дай загляну.
Не вешать голов: я здесь, соловьи.
Выходит, свиделись.
Ну и ну!

Роток на замок,
Чтоб боль — молчок,
Чтоб ей — ни полщелочки в белый свет... —
Так появился у нас новичок —
Синица,
«Дядюшка» в тридцать лет.

Кто знает, сколько их —
Целых тел
Из всех из нас удалось бы собрать,
Но душ, в которых светляк теплел,
Бедовало в палате —
Двадцать пять.

Был
Каждый вдох,
Как штык под ребро,
Трепыханье сердца — в груди огнепал,
И лапа когтистая рвала нутро
И клала бывалых ребят наповал.

А в окна ломился плакун-февраль,
Сжигал, лиходея, надежд мосты.
И вся наша даль,
Бескрайняя даль,
Кончалась
У самой первой версты.

Мы знали,
Наверно, кто знал, кто ждал:
Последней грозы нам
Не миновать.
И даже Синица под утро сдал,
Пожалуй, как будто бы стал сдавать...

И вдруг
Из клятой кромешной мглы,
Как смех ребенка, чист и высок,
Тише безмолвия,
Тоньше иглы,
Пробился к нам ее голосок.

Всколыхнулся дядюшка:
— Други, поет!
Братки, да это ж к теплу она,
Гляньте: на стеклах отходит лед! —
И всхлипнул по-детски:
— Вот те и на!

Ей-ей же, веснеет!
Теперь поживем:
Синицы не пробуют зря голосов... —
Он так и умер
С веселым ртом,
С красной слезиной в щетине усов;

Так просто, так ясно,
Не падая ниц,
Не выпустив боли в светлую даль,
Даровав нам милость —
Слушать синиц,
Любить,
Горевать,
Поминать февраль.

НЕ ВОСЕМЬ ПОЛЕЙ ПЕРЕЙТИ

Откуда в ней столько живого,
У хворой,
У старой такой?
Сыскала целебное слово,
Пригрела шершавой рукой.

Узорный платок повязала:
— Меньшого кровинушки дар! —
Нарезала хлеба и сала,
Спроворила вмиг самовар.

Присела.
Вздохнула глубоко.
Взяла ломоток — почерствеи.
— Вечорась вещунья-сорока
Недаром сулила гостей!

Да грейся ты, родный,
Сгодится:
Чай крепкий врачует с дорог.
У нас дармовая водица, —
Ты грейся, ведь крепко продрог.

Слышать, побывал в загранице.
— Поклон ему свез и венок.
— Как спит он в нерусской землице —
Твой друг,
Мой последний сынок?

Поплакать бы всласть над могилой
Моих убиенных солдат!
Да нетути времечка, милай,
Сам видишь:
Дела не годят.

Горя горевыми очами,
Строга и спокойна с лица,
Умолкла в горючей печали,
Седая,
Как в свете венца...

Тужила.
Мечтала.
Растила.
И, лишь повзрослели сыны,
Сама
Восьмерых
 проводила,
Чтоб жизнь заслонить от войны.

И восемь,
Ведь восемь,
Все восемь
Домой не придут
 никогда.
В трубе потешается осень,
За дверью дрожат холода.

А с нею —
Пять внучек, три внука
Да сердце без всякого зла.
Тоска ухмылялась:
«Под-друга!..» —
В открытую душу ползла...

Какая в ней сила сокрыта,
В больной,
В беззащитно-земной?
Ведь восемь десятков отжито —
Не восемь полей за спиной.

Как поле, проста и несказна,
Тиха, как созревшая рожь,
До малости с жизнью согласна —
Вот с кем
Ты на свете живешь!

ИВАНЫ ДА МАРЬИ

Ванюши да Машеньки были,
И Ванек да Манек сносили,
И Джонов да Жанн не корили
Иваны да Марьи России.

Вы сердце, и руки, и голос —
Заботе, и песне, и полю.
Случалось, обманывал колос —
Что ж... — пели да сеяли вволю.

Хоть грешные были, да свято
Служили, сгорая до срока,

Служили, как надо: не надо
Идти за примером далёко.

Семь хат в стороне деревенской.
Средина двадцатого века.
Здесь жили — до бури вселенской —
Сто семьдесят два человека.

Не пахло ни тленом, ни пленом.
И месяца вдосталь, и солнца...
Здесь, в нынешнем — послевоенном,
Лишь двадцать две душеньки бьется.

Муравка безвинная — мята —
Растет преспокойно и шало...
До всемирного набата
Здесь тридцать три дома дышало.

И так — по всему сельсовету,
И дальше — по белому свету.
Заступы у слез не просили
Иваны да Марьи России.

Глядят просветленно и строго
Скорбящие чистые очи.
А мир — ни трубы, ни порога.
Как жить после дьявольской ночи?

— С начала, Иваны да Марьи! —
Твердят топоры по округе.
Рождается солнце из хмари.
В хоромы торопятя внуки.

<i>Юрий Пахрин</i> . Гильза. Теперешняя молодежь. Георгин и Астра. Короткие рассказы	165
<i>Михаил Володин</i> . «По нам скучали старые друзья...». «Скажут: нет профессии обычной...». Стихи	171
<i>Анатолий Шулаев</i> . Прораб. Стихи	173
<i>Виктор Васильев</i> . Командировка по «личной теме». Рассказ	174
<i>Ирена Панченко</i> . Песни бабы Мани. Очерк	186
<i>Марк Гайдук</i> . В Михайловском. Памяти Железняка. Стихи	193
<i>Владимир Половников</i> . В музее Александра Матросова. «Вчера опять привиделось во сне...». Стихи	195
<i>Лилия Севастьянова</i> . Песня Костровского леса. Очерк	197

В краю вдохновения

<i>Семен Гейченко</i> . «Приют, сияньем муз одетый...»	208
<i>Юрий Куранов</i> . Там, в Михайловском. Новеллы	222
<i>Валентин Курбатов</i> . Александр Агин. Очерк	234
<i>Евгений Афанасьев</i> . Маленькие басни	248
Коротко об авторах	252

Составитель

Игорь Николаевич Григорьев

«ВСТРЕЧИ»

Книга литераторов Псковщины

Редактор Л. И. Маляков. Художник П. П. Зубченков. Художественный редактор И. З. Семенцов. Технический редактор А. В. Семенова. Корректор Э. Г. Поварская

Сдано в набор 23/VII 1974 г. Подписано к печати 6/XI 1974 г. М-21542. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 11,38. Уч.-изд. л. 10,19. Тираж 10 000 экз. Заказ № 800. Цена 53 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Фонтанка, 57.